

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД УПОРЯДОЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается возможность применения периодизации экономической истории в рамках основных концепций исторического развития. Исторический процесс в целом, как и экономическая история в частности, их периодизация раскрываются с теоретических позиций как объективный процесс деления истории человечества на эпохи, обусловленный экономическим прогрессом и заключающийся в ускорении исторического времени, которое имеет вид спирали, закручивающейся в точку исторической сингулярности.

Периодизация российской экономической истории до сих пор не имеет научных основ. Вместо них в советское время существовали идеологические основы в виде «единственно правильного» учения Маркса, которое жестко периодизировало мировую историю по сменяющим друг друга общественно-экономическим формациям. При этом сам Маркс, справедливо полагая, что история развивается по спирали, представлял себе эту спираль слишком упрощенно – в виде всего лишь одного витка, начинающегося с первобытного коммунизма, основанного на недостатке благ, к развитому коммунизму, основанному на их изобилии. При этом новый коммунизм, как и древний, должен, по Марксу, существовать тысячелетия, венчая собой весь ход истории. Между двумя коммунизмами – еще три фазы исторического цикла – рабовладение, феодализм и капитализм, которые являются сугубо промежуточными и поэтому по своей природе неустойчивы во времени: их жизненный цикл измеряется не тысячелетиями, а столетиями. Однако эта модель, будучи построенной на обобщении исторического пути западной цивилизации, оказалась неприменимой на Востоке. Если на Западе формации действительно сменяли друг друга, то на Востоке они, скорее, наслаивались друг на друга. Россия, расположенная между Востоком и Западом, развивалась, если так можно выразиться, «формационно-деформационно» в том смысле, что смена формаций в ней происходила, но в деформированном виде. Рабовладельческого способа производства не было, феодализм же, вобрав в себя и приспособив под свои нужды первобытную общину, развивался долго и одновременно в двух направлениях – к рабовладению и

капитализму, интегрировав в себя и то и другое. Социализм же не только унаследовал эту интеграцию, но и усугубил ее, применяя рабовладение в ГУЛАГе, крепостничество в колхозах и капиталистический коммерческий расчет под видом социалистического хозрасчета на государственных предприятиях. В результате так называемый «реальный социализм» в конечном счете вобрал в себя все пять марксовых формаций. Следовательно, при всем своем политическом стремлении на Запад, в Европу, на более глубинном уровне она эволюционировала с Запада на Восток. Все это, безусловно, требует своего теоретического объяснения, вместо которого мы имеем невнятный миф об «особом русском пути», в котором уравновешены «западное» и «восточное» начала. От научной теории он отличается тем, что решает «русский вопрос» в лучшем случае лишь в принципе, не указывая на то, каким именно он будет. Теория же стремится предсказать будущее хотя бы в общих чертах. Иначе получается, что «русский путь» – это вечное «блуждание в потемках» меж двух огней – Востоком и Западом. Будущее же с теоретической точки зрения предсказуемо лишь в той мере, в какой время обратимо, представляя собой длинноволновой процесс с одними и теми же фазами, периодически повторяющимися на фоне необратимых качественных сдвигов. Именно единство обратимости и необратимости превращает исторический процесс в спираль. Следовательно, для того, чтобы предсказать будущее российской истории, необходимо представить ее прошлое и настоящее в виде спирали. В первом приближении обратимой составляющей истории является развитие производительных сил, а обратимой – развитие производственных отношений. От-

сюда «марксова спираль» от коммунизма к коммунизму сохраняет свою научность, но при условии, если она станет многовитковой. Это значит, что новый коммунизм в ней будет поворотным моментом истории – переходом на новый виток спирали. Именно это и произошло в России, произошло в 1917 году, и именно это мы намерены научно доказать.

Упорядочение исторического процесса начинается с хронологии событий, в которой выясняется, какие именно события когда именно происходили. Однако историческая хронология – сугубо описательная наука, ибо в ее задачу не входит содержательный анализ прошедшего времени, она лишь беспристрастно фиксирует течение времени, не ища каких бы то ни было причинно-следственных связей.

Однако, опираясь на достоверную и полную историческую хронику и вооружившись методами научного анализа, можно нащупать не только все эти связи, но и все те объективные законы, которые за ними стоят и вследствие подчинения которым они обретают устойчивость и становятся такими же объективными закономерностями. Причем законы эти имеют двойственную природу. В своей сущности они внеисторичны, ибо пронизывают все исторические эпохи. Но с другой стороны, в каждой из этих эпох они действуют или проявляются по-разному, а точнее – в различной степени, т.е. с различной силой. Если подходить к данному феномену с экономической точки зрения, то реализацию фундаментальных законов человеческого бытия в различных последовательно сменяющихся друг друга исторических эпохах можно сравнивать с процессом воспроизводства материальных благ, осуществляемым на базе столь же различных и так же сменяющихся друг друга технологических укладов. Технологический прогресс необратимо идет в направлении от менее совершенного уклада к более совершенному. Точно так же и в истории вечные или претендующие на вечность фундаментальные законы в каждой следующей эпохе находят себе все более совершенную реализацию. Что же это представляет собой на практике? В качестве ответа на поставленный вопрос приведем простейшую наглядную модель исторического

прогресса, в которой общество пытается максимально реализовать три базовые общечеловеческие ценности – безопасность, свободу и справедливость. Это – три разнонаправленных вектора, вследствие чего двигаться чисто механически одновременно во всех указанных направлениях невозможно.

Поэтому в силу вступает другой вид движения, который мы называем органическим. Заключается оно в том, что в движущейся системе происходит специализация элементов и их более сложных структур на каждом направлении. Одни из них отвечают за безопасность, другие – за свободу, третьи – за справедливость, четвертые – еще за какую-то универсальную (фундаментальную, базовую) ценность и т.д. В идеале количество этих ценностей не ограничено, однако чем их больше, тем при прочих равных условиях труднее их реализовывать. Ведь они представляют собой независимые координаты (измерения) внутрисистемного пространства.

Это пространство, как и пространство в целом Вселенной, стремится к неограниченному расширению, чему препятствует всегдашняя ограниченность ресурсов. Вследствие этого их нельзя разделить на бесконечное число целей или ценностей, как нельзя и потратить бесконечное число ресурсов на какую-то одну из последних в попытках ее полной, исчерпывающей реализации. Можно лишь последовательно наращивать системные ресурсы, распределяя все большее их количество сначала по уже существующим направлениям, а затем и на формирование новых, дополнительных направлений.

Впрочем, мы рассматриваем простейшую модель, в которой заданы только три направления. По своей природе она – квантовая, и поэтому элементарные приращения системных ресурсов не могут быть бесконечно малыми. Если же предположить, что в систему они тоже поступают равномерно по одному кванту, то получать их каждое направление будет последовательно в порядке своей очереди. Получается раскручивающаяся спираль [1, с. 4–6].

Заметим, что мы привели вовсе не единственно возможный вариант простейшей модели данного рода. У нее есть свой антипод, в котором конкуренция на предмет приоритет-

ности между свободой и справедливостью решается в пользу справедливости. У обоих вариантов безопасность является абсолютным приоритетом. Однако у одного варианта модели после решения проблем безопасности эстафета финансирования переходит к свободе (либеральный вариант), а у другого – к справедливости (социальный вариант). По либеральному варианту пошли в свое время страны Запада, поскольку у них уже относительно давно сформировалось гражданское общество, для которого свобода – не просто базовая ценность, а условие функционирования, на котором построена не только частная жизнь людей, но и экономика. Россия же до сих пор подлинной свободы так и не познала, и она идет к ней только сегодня – опосредованно: через справедливость или, точнее сказать, через не слишком удавшуюся попытку ее установить в процессе социалистической революции, социалистического и коммунистического строительства. Точно так же и Запад движется сегодня на базе уже достигнутых безопасности и свободы к справедливости.

Как видим, конфликт между двумя вариантами исторического развития отнюдь не носит фундаментального и непримиримого (антагонистического) характера. Его иллюзия создается лишь на первой фазе двух витков, раскручивающихся в противоположную друг другу сторону, где они действительно уходят друг от друга. Однако уже на второй фазе идет их сближение, когда либеральные ценности нуждаются в дополнении или опосредовании социальными и наоборот. Наконец, на третьей фазе, обогатившись опытом друг друга, они уже совместно движутся в одном общем для них направлении – в сторону дальнейшего укрепления безопасности. Затем цикл повторяется снова и снова, на все более высоком технологическом уровне.

Таким образом, в общей социально-экономической периодизации истории четко выделяются социальная и экономическая составляющие. Социальной является обратимая (циклическая) составляющая движения по спирали. Она заключается в периодической приоритетности какой-то одной из целей или ценностей. Экономической же оказывается необратимая (центробежная) со-

ставляющая, благодаря которой спираль раскручивается, переходя на все более высокие технологические уклады.

Обратной стороной подобного расширения исторического пространства оказывается, однако, коллапс исторического времени. Иными словами, естественной и неизбежной платой за накопление материальных и информационных ресурсов становится истощение ресурса времени. В результате каждая следующая историческая эпоха оказывается на порядок короче предыдущей – так, что их последовательность образует так называемый сходящийся ряд, когда эпох впереди может быть бесконечное множество, но все они, вместе взятые, не выходят за пределы некоторой критической даты.

Пример мы можем привести из демографической истории человечества, которая изучает динамику его численности, начиная с древнейших времен и кончая прогнозами будущего. Демографическую историю можно считать наиболее фундаментальной из всех исторических дисциплин. Поэтому те объективные закономерности, которые она выявляет на своем предметном уровне, вполне применимы в качестве аналогий и парадигм при исторических исследованиях в сфере этнологии, политологии, экономики и т.д. Такой подход тем более важен, что демографическая история в силу, видимо, именно своей фундаментальности является на сегодня наиболее математизированной исторической дисциплиной. И ее неслучайно в этой связи еще в XIX веке называли общественной физикой. И если социальную, экономическую, политическую и т.п. историю мы до сих пор излагаем лишь словесно, то всю мировую демографическую историю, как оказалось, можно выразить одной-единственной математической формулой или функцией. Это гипербола с показателем степени -1, т.е. обратно пропорциональная зависимость численности землян от времени, отсчитываемого в прошлое от вполне конкретной критической даты – 2025 года. Выглядит она так:

$$N = \frac{C}{2025 - T}$$

Здесь N – текущая численность человечества; T – текущее время. C – константа, равная 2×10^{11} с размерностью «человеко-год» [2, с. 6].

Понятно, что по такой траектории человечество до самого конца развиваться не может и с какого-то момента оно сменит парадигму своего развития. Такой точкой перегиба в функции роста численности человечества является 2005 год, а сама эта функция трансформируется из гиперболы в арккотангенс.

То же – в алгебраическом варианте:

$$N = \frac{C}{\tau} \operatorname{arccotg} \frac{2005 - T}{\tau}$$

Здесь τ – единица внутрисистемного времени человеческой истории, определяемая как эффективное время жизни одного поколения от взрослости до старости. Оно равно 45 годам (60 лет выхода на пенсию – 15 лет вступления в трудоспособный возраст). Соответственно, именно это время принимается за основу при периодизации истории. Все исторические периоды как в прошлом, так и в будущем оказываются кратными ему как кванту исторического времени. При этом автор подмечает объективную закономерность, по которой продолжительность любой исторической эпохи равняется удаленности ее центра от критической даты, будь то 2025 или 2005 год [3, с. 9]. Ведь разница между ними с исторической точки зрения ничтожно мала. При этом предпочтительнее выбрать 2025 год, ибо он представляет собой объективную дату, задаваемую внешними условиями, тогда как 2005 год характеризует реакцию системы на будущую угрозу. А еще лучше будет их объединить в некий элементарный исторический отрезок [2005 – 2025]. Что же касается времени от минувших эпох до критической даты, то его предлагается отмерять от конца эпохи до наших дней. Тогда это будет ровно половина от ее собственной продолжительности. Например, Средневековье длилось 1000 лет и закончилось 500 лет назад. Применяя этот принцип, мы построили периодизацию европейской экономической истории, сопоставляя между собой рассчитанные таким путем гра-

ницы исторических эпох и их экономическое содержание (табл. 1).

Подобный метод исторической периодизации весьма приближителен, что для соизмерения исторических эпох вполне достаточно. Ведь сути это не меняет, она же состоит в том, что при движении в прошлое время замедляется и в каждой более ранней эпохе течет на порядок медленнее. Это относится к любой истории – не только демографической, но и этнической, экономической и т. д. Это – базовый методологический принцип периодизации исторического процесса. Объясняется же он тем, что ход истории со временем становится все более многомерным. И если численность населения Земли рано или поздно стабилизируется, то экономическое время может ускоряться до бесконечности.

При этом демографическая история сливается с экономической. Отныне демографический прогресс будет заключаться в улучшении качества жизни. Экономика занимается этим вопросом через качество производимых ею и потребляемых человеком благ, демография же будет задавать критерии и индикаторы этого качества – продолжительность жизни и образовательный уровень.

Результатом демографического перехода станет то, что составляющие одну демографическую эпоху 9 млрд. населения Земли займут всего лишь одно поколение. После этого за счет роста продолжительности жизни одновременно будет жить все большее число поколений. Соответственно увеличение числа совместно проживающих поколений даже на единицу будет периодически порождать очередной демографический взрыв. И каждый из них будет знаменовать наступление новой исторической (одновременно и демографической, и экономической) эпохи. Демографической она будет по результату. Однако в основе ее будет лежать новый экономический уклад, позволяющий на порядок более эффектив-

Таблица 1. Периодизация экономической истории Европы математическим методом

1640 г. до н.э. – 810 н.э.	810–1620	1620–1870	1870–1980	1980–2025
Древняя история европейской цивилизации	Средневековье: феодализм	Новое время: классический капитализм	Монополитический капитализм	Постиндустриальное общество

но использовать и воспроизводить ресурсы вообще и человеческий капитал в частности.

Неслучайно в данной связи демографический переход в развитых странах совершился в историко-экономическом интервале от промышленной революции в конце XVIII в. до научно-технической революции в середине XX в. Промышленная революция привела к ускоренному снижению смертности младенцев и лиц репродуктивного возраста при том же уровне рождаемости. Это привело к демографическому взрыву. Научно-техническая революция, напротив, довольно резко оборвала взрывной процесс роста населения, поставив под жесткий контроль рождаемость, но при этом создав благоприятные условия не просто для выживания людей в детском и зрелом возрасте, а для роста продолжительности жизни за пределы, накладываемые природой. За этими пределами человеческая жизнь – продукт уже не биосферы, а техносферы – искусственной среды обитания и жизнедеятельности. Уровень ее организации будет выше, чем в живой природе, и она будет все более приближена к нуждам человека, вследствие чего продолжительность его жизни в ней будет неуклонно возрастать. Каждое следующее поколение в среднестатистическом представлении будет жить хотя бы на несколько месяцев дольше предыдущего. Если эти несколько месяцев округленно принять за год (каждые 20 лет к средней продолжительности жизни добавляется один год), то увеличение на единицу числа одновременно проживающих поколений будет происходить один раз в 400 лет, что мы считаем вполне реальным. Это значит, что в год она будет возрастать на 18 дней, а в месяц – на полтора дня. И если человечество овладеет средствами борьбы со смертностью, оно сможет продлевать жизнь людей перманентно в целенаправленном планомерном порядке. Вся грядущая экономическая история будет подчинена исключительно этой цели, и, стало быть, вся ее периодизация будет отмечена скачками в движении по этому пути.

Отметим, однако, что продление жизни само по себе – вовсе не самоцель. С точки

зрения той же экономической истории целью данного процесса является интеграция опыта различных поколений. Сама история как наука существует лишь для того, чтобы не потерять этот опыт в условиях, когда практически все в этой жизни необратимо уходит в прошлое, оставляя о себе лишь память, т.е. информацию в ее чистом (но не полном и не достоверном) виде. Эту информацию можно многократно использовать, искусственно воспроизводя прошлое в процессе экономической деятельности.

Именно так мы и поступаем, когда из новых ресурсов, но по одним и тем же технологиям производим предметы своего потребления. Для экономической сферы это нормально: все элементы техносферы рано или поздно изнашиваются, и их периодически необходимо заменять. При этом наилучший способ замены – поставить на их место нечто более совершенное и тем самым не просто воспроизвести техносферу, но повысить ее эффективность. Совсем другое отношение – к историческим памятникам, которые тоже разрушаются, но реставрация которых не должна превращаться в «новодел».

Особая тема – социальные институты. Их собственный жизненный цикл тоже ограничен, но он значительно продлевается посредством модернизирующих реформ. В противном случае рано или поздно наступает революционная замена одних институтов другими. Всякая революция резко порывает с прошлым, тогда как реформа, наоборот, пытается наиболее плавно состыковать его с будущим – так, чтобы расплескать как можно меньше информации. А для этого сфера пересечения или взаимного перекрытия исторических отрезков (так называемое «настоящее время») должна быть как можно шире. В демографической истории ее ширина как раз и определяется числом сосуществующих поколений. Взаимодействуя друг с другом и обмениваясь опытом, они будут способны формировать все более сложные, развитые и эффективные организационные структуры по аналогии, кстати, с живой природой. В ней появление пресмыкающихся не уничтожило, а

лишь потеснило земноводных, появление млекопитающих тоже лишь потеснило тех и других. Наконец, человек как «венец творения» потеснил собой всю биосферу, создавая и расширяя рядом с ней техносферу. Точно так же и прошлые исторические эпохи являются таковыми лишь в относительном смысле, поскольку история развивается по спирали, и, стало быть, все исторические эпохи, находящиеся на одном витке, как бы сосуществуют одновременно. Ибо как бы они ни отличались друг от друга, строятся все они на одной и той же технологической базе, для качественного изменения которой необходим переход с витка на виток.

С точки зрения экономики исторический процесс как таковой есть результат крайнего технологического несовершенства составляющих его более простых процессов, которые не способны интегрироваться друг с другом в параллельном режиме и поэтому вынуждены прибегать к последовательному взаимодействию, реализуя свою системную целостность лишь в рамках или посредством замкнутых эволюционных циклов. И экономическая история, представленная как смена витков спирали, постепенно его устраняет. А та точка, в которую со временем сойдется исторический процесс, будто как раз решением проблемы: сверхсложные четырехмерные технологии уступят место более простым – трехмерным [4, с. 17].

Стремление человека заглянуть в будущее всегда было и будет, что не является чем-то предосудительным, важен лишь источник, от которого исходит свидетельство. Человек изобретает научные способы определения будущего, назвав их прогнозами, прогнозированием, мониторингом и т. п., исходя из закономерностей существования и развития различных (в том числе и исторических) процессов в прошлом. Все это лежит в пределах человеческих понятий и традиционного опыта, экстраполируемого в будущее, даже если это делается с помощью компьютерного моделирования.

Сегодня техногенная культура все быстрее загоняет человечество в тупик. Тех-

нические новинки и современные гуманитарные теории, казалось бы, должны были облегчить жизнь людских сообществ, а каждого человека сделать более счастливым и способным, но вопреки ожиданиям они привели к новым опасностям, перечеркивающим плюсы «улучшения». Атомная энергетика загрязняет природную среду. Победы над инфекционными заболеваниями порождают лекарственно устойчивые штаммы микробов. Компьютерные «связующие» сети разъединяют людей. Финансовые инструменты высасывают последние средства у бедных стран. А люди продолжают надеяться на лучшее будущее. При этом сохраняются в памяти представления о некоем «золотом веке», когда жизнь была простой и естественной, хотя никаких параметров этой жизни назвать никто не может. В чем же тут дело?

На разных структурных уровнях организации материи, как живой, так и неживой природы, действуют универсальные принципы возникновения и разрушения в пространстве и времени самоорганизующихся структур. Законы эволюции универсальны, они проявляются и в общественной жизни – даже в самых, казалось бы, противоположных случаях. Вот простейший пример. Большевики боролись за освобождение абстрактных трудящихся от гнета абстрактного капитала. Под самыми наилучшими лозунгами они в 1917 году взяли власть в России; народ обнищал, экономика рухнула. В конце XX века демократическая интеллигенция боролась за абстрактные права абстрактного человека и, в свою очередь, взяла власть в России. Народ обнищал, экономика рухнула. Схожесть в том, что в обоих случаях люди брались переустраивать жизнь людского сообщества, руководствуясь умозрительными теориями или чужим опытом, без опоры на реальность, не учитывая действительного состояния дел в природе и обществе. А учитывать их надо обязательно.

Единство мира заключается в том, что на разных структурных уровнях он строится по единому проекту или сценарию.

Россия является как бы гигантским полигоном, на котором отрабатываются

только такие варианты будущего, которые должны стать уроком для всего мира о том, как ни в коем случае нельзя поступать. Но все-таки в конечном счете именно Россия, и только она, должна дать всему миру именно тот образец будущего, который окажется приемлемым и для всего осталь-

ного мира, для всего человечества. «Спасение мира» и его преобразование к лучшему придут именно из России, именно Россия должна дать миру совершенно иные духовные измерения, которые захватят коллективные сознания всех народов планеты.

Список использованной литературы:

1. Основы периодизации экономической истории. Под общ. ред. чл.-корр. РАН, д. э. н., профессора Х.Н. Гизатуллина / Уральское отделение РАН, Уфимский научный центр РАН. – Уфа: Гилем, 2004.
2. Периодизация российской экономической истории / Исмагилов Н.А., Латыпов А.А. / Под. общ. ред. д. э. н., профессора Н.А. Исмагилова – Уфа: Гилем, 2005.
3. Периодизация экономической истории и будущее России / Х.Н. Гизатауллин, Н.А. Исмагилов, А.А. Латыпов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, д. э. н., профессора Х.Н. Гизатуллина – Уральское отделение РАН, Уфимский научный центр РАН. Уфа, 2006.

Статья рекомендована к публикации 12.03.07